НА САНЯХЪ ВЪ МОРѢ.

1839–го года, въ февралѣ, уральскаго войска отставной казакъ Дервяновъ, съ малолѣткомъ Джандинымъ и работникомъ, изъ киргизовъ, Тюбстомъ, выѣхали на трехъ саняхъ на аханное рыболовство. Для этого выѣзжаютъ по льду на взморье (каспійское), ставятъ на шестахъ сѣти и выбирая ихъ опять чрезъ ночь, берутъ попавшуюся въ нихъ красную рыбу. Но промыселъ этотъ опасенъ: если моряной взломаетъ ледъ, подыметъ, да потомъ задуетъ береговой вѣтеръ, то рыбаковъ уноситъ въ море. Тоже случилось и съ Дервяновымъ. Время промысла давно кончилось, всѣ рыбаки воротились домой, а Дервяновъ съ товарищами пропалъ. Настала весна — и вдругъ астраханскій мѣщанинъ Овчинниковъ представилъ въ судъ Дервянова съ Тюбстомъ, которыхъ взялъ въ открытомъ морѣ съ саней. Вотъ показаніе Дервянова.

Зовутъ меня Потапомъ, Никитинъ сынъ, Дервяновъ; отроду мнѣ 66 лѣтъ, вѣры

православной, войска уральскаго отставной казакъ, грамотѣ не знаю, проживаю въ Гурьевѣ.

Выѣхали мы на аханное рыболовство самъ–третей, въ началѣ февраля, и по худому залову стали подыматься далѣе въ море, и стали на трехъ саженяхъ. Проспавъ ночью моряну, мы по утру только увидали, что насъ понесло; однако вскорѣ опять сомкнуло ледъ и мы поѣхали верхами собирать аханы. Ихъ–то мы не нашли, а подъѣхавъ къ маинѣ, увидѣли, что насъ опять несетъ въ море. Мы бросились скакать въ ту и другую сторону по льду, думали даже кинуться вплавь, но насъ уже далеко отнесло.

Такимъ образомъ носило насъ 17 дней, хлѣбъ сталъ приходить къ концу; морозы усилились, ледъ началъ цѣпляться и связываться и мы добрались по льдинамъ опять на трехсаженную глубину, то есть верстъ на 30 отъ берега; но насъ унесло далеко на западъ, къ Астрахани. Тутъ на бѣду стала оттепель; ледъ начиналъ рушиться, обивался волненіемъ и

крошился. Мы доѣдали одну лошадь, остальныя двѣ были чуть живы: кормъ давно вышелъ.

Въ одно утро увидѣли мы вдалекѣ, между льдовъ, кусовую лодку (рыболовную) и обрадовались словно воскресли: стали подымать одежду свою на оглобляхъ и махать; два калмыка подъѣхали къ намъ на бударкѣ (лодочкѣ), сказались тюленьщиками, которыхъ также безъ хлѣба носитъ четвертую недѣлю во льдахъ; они чаяли помощи отъ насъ и сколько мы ни просили ихъ взять насъ, не соглашались и держались отъ насъ на веслахъ поодаль. Джандинъ бросился въ воду, нагналъ ихъ вплавъ и насильно влѣзъ въ лодку; испугавшись, чтобы и мы не сдѣлали тоже, калмыки ударили въ весла и ушли отъ насъ.

Мы самъ–другъ остались опять на икринѣ всего саженъ въ 25, и часъ отъ часу она все болѣе крошилась и изникала, отъ тепла и волненія. Видя гибель свою, мы зарѣзали обѣихъ остальныхъ лошадей, сняли съ нихъ кожу дудкой, не распарывая

брюха, зашили ихъ на крѣпко, завязали и надули; эти два бурдюка, подвели мы подъ одни сани и привязавъ къ полозьямъ спустили на–воду; да помолившись, каждый по своему Богу, забрали топоръ, веревки, конину на пищу, да притесавъ изъ оглобель весла, простились со льдиной и пустились въ путь.

Мы сидѣли по колѣни въ водѣ, но сани съ бурдюками насъ хорошо держали и заложивъ весла за копылья, мы стали гресть на сѣверъ, къ берегамъ. Пять дней и пять ночей бились мы и не разъ выбивались изъ силъ: тогда насъ опять мыкало вѣтромъ и уносило далѣе въ море. На шестые сутки увидѣли кусовую: собравшись съ послѣдними силами, мы стали грести къ ней и около полудни благополучно пристали и были приняты астраханскимъ мѣщаниномъ Овчинниковымъ, который объ эту пору уже вышелъ въ море на весеннее рыболовство.

Всего въ относѣ таскало насъ болѣе пяти недѣль; когда мы спустились на сани, то ледъ былъ уже такъ рыхлъ, что ноги проступали насквозь. На другіе сутки послѣ

того уже весь ледъ измололо и вокругъ насъ не видно было ни льдинки.

Джандина калмыки также привезли благополучно въ Астрахань; и старикъ Дервяновъ, оправившись отъ ломоты, которою было заболѣлъ, просидѣвъ шестеры сутки по колѣни въ водѣ, много еще переловилъ рыбы на Каспійскомъ морѣ.